

Flasi_XP

Коты-Воители

Пробуждение Торы

Flasi XP

Коты Воители Пробуждение Горы

«Автор»

2026

ХР F.

Коты Воители Пробуждение Горы / F. ХР — «Автор», 2026

Племя Горного Хребта начинает погибать. Таинственная болезнь разъедает не только тела, но и саму память о былом величии. Пока целитель борется за жизнь в стенах пещер, двое воинов — Тень и Чешуйница — решаются на отчаянный шаг. Они покидают пределы родных пещер, чтобы найти ответы, скрытые в вечных льдах. Их путь — это не только борьба с беспощадным морозом, но и попытка достучаться до тех, кто давно ушел в Звездные чертоги. Чтобы спасти свое племя, они должны столкнуться с духами предков и разгадать пророчество, которое долгие луны считалось лишь забытым шепотом. Но горы хранят свои тайны, и цена за правду может оказаться непомерно высокой. Смогут ли Тень и Чешуйница дойти до конца, или их имена станут лишь еще одной легендой?

© ХР F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДПРОСМОТР	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Flasi ХР
Коты Воители Пробуждение Горы
ПРЕДПРОСМОТР

Пробуждение Горы

ПРОЛОГ

Ночь завывала над пустынной землёй, где не ступала ни одна живая лапа, а ледяные порывы ветра превращали всё вокруг в безмолвную, мертвую декорацию. Снег, этот вечный, неутолимый голод, жадно поедая остатки мира, скрывая под своим саваном следы былой жизни. В этом царстве вечного холода один из воинов Звёздного племени приоткрыл глаза. Он стоял на земле — сухой, почти безжизненной, лишенной тепла и надежды, где каждый клочок снега словно высасывал последние крупницы силы из призрачного тела. Тишину, разрываемую лишь стоном ветра, нарушил голос другого воина Звёздного племени. Это был поджаристый, довольно стройный кот, чья шерсть переливалась красивым, завораживающим сиянием далёких звёзд. Его присутствие казалось инородным в этом забытом богом месте, но его слова звучали с пугающей ясностью: — Рано или поздно это закончится, — негромко произнёс поджаристый воин, вглядываясь в бесконечную пелену бури. — Луна не способна удержать столько энергии света. Она просто испепелит себя. Первый воин Звёздного племени не ответил; его взгляд был устремлен в пустоту, словно он видел то, что было скрыто даже от его мерцающего взора. Однако поджаристый кот, не обращая внимания на молчание своего спутника, продолжал свою мрачную исповедь, обращенную скорее к самой судьбе, чем к собеседнику: — Когда они будут готовы, мы дадим знак.

После этих слов, тяжелых, как сама вечность, призрачное сияние, исходившее от обоих котов, начало медленно, почти неохотно угасать, растворяясь в яростной снежной буре. Мир вновь погрузился в глухую, давящую тьму, оставив после себя лишь холод и ожидание того самого момента, когда судьба решит совершить свой поворот.

ГЛАВА 1

Ночь нависла над горами тяжелым, почти осязаемым саваном. Черный худошавый кот стоял на самом краю узкого каменного выступа, впиваясь когтями в холодный, обветренный гранит. Его взгляд был прикован к Луне, которая, словно нехотя, медленно тонула в рваных, чернильных облаках. Зелёные глаза кота, привыкшие видеть в абсолютной темноте пещер, сейчас едва заметно мерцали под холодным, призрачным светом, отражая не столько небо, сколько бесконечную усталость, скопившуюся за долгие циклы борьбы. Каждая мышца в его теле гудела, напоминая о недавних странствиях, ставших для него тяжелым испытанием. — Тень! — резкий, хриплый окрик разрезал тишину, заставив кота невольно вздрогнуть. Из темноты, прижимаясь к шероховатой стене, вышел темно-серый кот. Его фигура была болезненно худой; ребра выпирали под клочковатой шерстью, словно пытаясь прорвать тонкую кожу. Несмотря на истощение, во взгляде кота теплилась искра разума, а его движения выдавали того, кто привык выживать на пределе возможностей, хотя, судя по его состоянию, поел он совсем недавно — удача, ставшая почти мифической в эти времена. — Чего тебе, Песчаник? — Тень не обернулся, его голос прозвучал глухо, почти безразлично, словно он не хотел покидать свои невеселые размышления. Песчаник сделал несколько осторожных шагов по скользкому камню и опустился рядом, тяжело дыша. Его присутствие нарушило хрупкое равновесие ночного покоя. — Запасы еды кончаются, Тень. Племя Стального хребта начинает ослабевать, — слова Песчаника упали на выступ как ледяные осколки. — Если так пойдет и дальше, мы не переживем следующие луны. Тень нахмурился, и складка между его глазами стала глубже. Ветер трепал его черную шерсть, принося с собой запах далекого, замерзшего мира. — Вон оно как — прошептал он, и в его голосе впервые прорезалась горечь. — Запасы кончаются. Это заметно. Учитывая, сколько ртов нам еще нужно кормить вряд ли мы протянем долго. Надежда тает быстрее, чем лед под дыханием предков. Песчаник резко дернул ухом, его глаза блеснули сухим, фанатичным огнем. Он словно не хотел принимать суровую правду, которую озвучил его соплеменник. — Вытянем, — отрезал Песчаник, и в этом коротком слове прозвучало больше упрямства, чем реальности. — Мы и не такое видели. Гора помнит тех, кто был сильнее нас, и мы обязаны доказать, что стоим их наследия. Тень посмотрел на своего товарища, пытаясь разглядеть в темноте, действительно ли тот верит в свои слова или просто пытается заглушить страх перед неминуемым концом, который медленно, но верно подкрадывался к их племени из глубины заснеженных пустошей. Тень медленно перевел взгляд обратно на Луну, которая почти полностью скрылась за рваным краем облака. Ветер сменил направление, принес с собой запах снежной пыли и старого камня. — Упрямство — это то, что держит нас на ногах, Песчаник, — тихо сказал Тень. — Но одним упрямством брюхо не набьешь.

Пылающая звезда не пойдет нам навстречу, а горы вокруг... они словно стали глухи к нашим молитвам. Он сделал паузу, чувствуя, как холод пробирается под густую шерсть. — Если мы будем сидеть здесь и ждать, пока нас похоронит снег, мы станем лишь очередной легендой для тех, кто придет после. Нам нужно что-то менять. Что если... — Тень замолчал, подбирая слова, которые могли стоить ему изгнания, если бы их услышал кто-то еще. — И долго вы еще будете своими хвостами по камню елозить? — прошамкал старый голос. Это был Когтедёрг, старейшина, чья шерсть давно поредела, а характер стал острым, как его собственные, когда-то бывшие грозными, когти. — Сна ни в одном глазу из-за ваших ночных совещаний! То они про еду ворчат, то про горы рассуждают... Идите ворчите в другое место, дайте хоть кости согреть, пока потолок на голову не рухнул! Песчаник виновато прижал уши и опустил голову, но Тень лишь едва заметно дернул усом. Старейшины были живой памятью племени, и хоть их ворчание раздражало, они были единственными, кто помнил времена, когда горы не были такими мертвыми. — Прости, Когтедёрг, — тихо отозвался Тень, понижая голос до

шепота. — Мы уже уходим. Он подтолкнул Песчаника носом в бок, давая понять, что разговор нужно перенести подальше от чутких ушей. — Пошли, — бросил он другу. — На выступе, у самого края, нас точно никто не услышит. Там я расскажу тебе, почему нам придется заглянуть туда, где даже ветер боится задерживаться. Они осторожно двинулись вглубь коридоров, стараясь не задеть спящих соплеменников, пока ворчание старейшины постепенно затихало, сменяясь тяжелым храпом.

Они осторожно пробирались через лабиринт пещер, где каждый шорох казался оглушительным в гулкой тишине спящего Племени Стального хребта. Стены здесь были покрыты инеем, который тускло поблескивал в скудных лучах, проникавших сквозь расщелины в сводах. Когда Тень и Песчаник миновали тенистые ниши, где ютились их соплеменники, их фигуры едва не слились с окружающим мраком. В одном из углублений, свернувшись в плотный клубок, лежала Чешуйница. Её светло-серая шерсть, покрытая тонкими, изящными полосками, напоминающими чешую речной рыбы, казалась почти светящейся в полумраке пещеры. Она не спала; её янтарные глаза, словно два тлеющих уголька, внимательно следили за каждым их движением. — Легли бы вы спать, — раздался её тихий, чуть хриплый голос, прервавший их шепот. — Силы восстановить не помешает, а то будете так блуждать, пока окончательно не ослабнете от голода и холода. Тень резко остановился, его мускулистое черное тело напряглось, а зеленые глаза, пронзающие тьму, встретились с насмешливым и одновременно тревожным взглядом кошки. — Сон — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, учитывая то, что происходит снаружи, — отрезал Тень, его голос звучал суше и холоднее, чем горный ветер. — Пока мы спим, метель пожирает остатки нашего мира, а пустота приближается к нашему порогу. Я не могу закрыть глаза, когда знаю, что завтрашний день может не принести ничего, кроме новой порции льда и смерти. Чешуйница медленно поднялась, грациозно потянувшись; её гибкое тело, созданное для того, чтобы проскальзывать в самые узкие горные щели, плавно изогнулось, и она подошла к ним, бесшумно ступая по холодному камню. — Твоя бдительность похвальна, Тень, — тихо произнесла она, глядя прямо в его настороженные глаза, — но изможденный воин не принесет победы племени. Если ты собираешься совершить безумство, о котором шепчешься с Песчаником, тебе понадобятся острые чувства, а не затуманенный усталостью разум. Песчаник, стоявший чуть поодаль, нервно дернул ухом, переминаясь с лапы на лапу. Он видел, как Тень на мгновение замешкался, словно слова Чешуйницы пробили брешь в его решимости, но черный кот лишь плотнее сомкнул челюсти, отказываясь признать правоту подруги. Песчаник знал Тень не из тех, кто отступает перед скепсисом, особенно когда речь идет о жизни целого племени. Его решимость была высечена в камне, как и скалы, среди которых они жили. В его глазах вспыхнул холодный, почти фанатичный огонек, когда он подался вперед, сокращая расстояние до Чешуйницы. — Это не безумство, — отрезал Тень, и в его голосе прозвучал металлический лязг, от которого, казалось, завибрировали стены пещеры. — Это единственный доступный нам план выживания. Пока ты предлагаешь нам зарыться в мох и ждать конца, я предлагаю действовать. Ты хоть сама понимаешь, что ты планируешь делать, находясь в этой горе? Просто сидеть и наблюдать, как мы все медленно превращаемся в ледяные статуи? Чешуйница замерла. Её янтарные глаза, отражающие скудный свет, сузились, превратившись в узкие щели. На мгновение в коридоре повисла тишина, такая густая, что в ней можно было услышать далекий, едва уловимый гул бушующей снаружи метели. Она медленно выпрямилась, приподняв голову, и на её морде проступила странная, почти болезненная усмешка, которая совсем не касалась её внимательных глаз. — Ничего, — коротко ответила она, и в её голосе не было ни капли страха или раскаяния, лишь горькая ирония. — Я планирую ничего не делать. Я планирую дождаться того самого момента, когда гора сама решит, достойны ли мы ещё одного рассвета. А ты, Тень, пытаешься перехитрить саму судьбу, даже не понимая, что в этой игре кости уже давно сброшены не в твою пользу.

Чешуйница встала и развернулась, её светло-серая полосатая шерсть на мгновение слилась с тенями, и грациозно направилась куда то вглубь пещеры.

Тень проводил её взглядом, чувствуя, как внутри него закипает глухое раздражение. Песчаник рядом нервно переступил с лапы на лапу, поглядывая на своего лидера, словно ожидая, что тот сейчас взорвется от ярости или, напротив, решит последовать совету и оставить все как есть. Но черный кот лишь глубже вонзил когти в каменный пол, понимая, что пропасть между их видением будущего становится всё шире. Песчаник проводил взглядом уходящую Чешуйницу, затем снова посмотрел на Тень. Его глаза, отражающие скудный свет, были полны недоумения и затаенной обиды за друга. — Слушай, Тень — тихо начал он, понизив голос так, чтобы только ветер в расщелине мог его услышать. — Я вот думаю а почему тебя-то не сделали глашатаем? Ты же, по сути, спас племя, когда все остальные уже опустили лапы. Ты прокладывал путь, когда горы хотели нас раздавить. Он на секунду замялся и добавил, стараясь быть честным: — Хотя ладно, я не спорю, Чешуйница тоже помогала. Нельзя забывать, как она нашла то озеро, когда мы уже почти потеряли всякий смысл в поисках и умирали от жажды. Без неё мы бы там и остались. Но всё равно глашатаем должен быть кто-то вроде тебя. Тень лишь горько усмехнулся, его плечи подернулись в усталом жесте. — Не я один это делал, Песчаник. И хватит об этом, — отрезал он, не желая продолжать разговор о титулах, которые в текущей ситуации казались ему лишь пустой тратой времени. — Да и посмотри вокруг, ты разве не видишь, что происходит? Какой сейчас может быть глашатай? У нас уже был один и где он? Убежал, как только почувствовал, что гора начала дышать холодом. Он повернулся к выходу из коридора, чувствуя, как внутри ворочается пустота, голод и тревога. — Пошли, — коротко бросил Тень, кивнув в сторону общей пещеры. — Если еще остались хоть какие-то запасы — поедим. Главное, чтобы нас оттуда не выгнали раньше, чем мы успеем хоть что-то проглотить. Песчаник молча последовал за ним. Впереди их ждала та самая общая пещера, где полуголодные соплеменники пытались согреться, а слова о глашатаях и спасителях казались сейчас такими же далекими и холодными, как звезды над их заснеженным домом. Тень остановился у края ледяного выступа, его черная шкура казалась провалом в самой реальности, поглощающим тусклый свет пещер. Он обернулся к Песчанику, чьи глаза выражали искреннюю, почти детскую веру в лидерские качества своего друга. — Ты заблуждаешься, Песчаник, — глухо произнес Тень, и в его голосе проскользнула нотка непривычной смиренности. — Толком не я спас племя. Это сделал целитель. Пока мы с остальными шипели друг на друга, споря о границах и дележке остатков провизии, он был тем, кто сохранял хоть какой-то смысл в наших действиях.

Песчаник лишь хмыкнул, склонив голову набок. Он явно был не согласен с таким прижизнением заслуг друга, но спорить в этот момент казалось бесполезным — холодные камни пещеры словно высасывали желание вести долгие дискуссии. Он глубоко задумался, перебирая в памяти события, когда именно настойчивость Тени казалась им единственным спасательным кругом. Не дожидаясь ответа, Тень развернулся и устремился вглубь пещеры, туда, где пролегли самые узкие и опасные ходы, доступные лишь тем, кто знал каждый выступ этого горного лабиринта. Он двигался решительно, его мускулистое тело легко скользило между обледенелыми стенами. Песчаник, даже не раздумывая, поплёлся следом, понимая, что в нынешней ситуации оставаться в одиночестве было куда страшнее, чем следовать за Тенью в неизвестность в поисках хоть какой-то еды. Они продвигались всё дальше, туда, где гул ветра снаружи почти затихал, сменяясь тяжелым дыханием самой горы. Тень надеялся найти тайники, которые могли быть спрятаны в глубоких складках скал, подальше от глаз тех, кто предпочитал покорно ждать конца в общей пещере. В этой темноте, где каждый шаг отдавался эхом, вопрос о том, кто именно является «спасителем» племени, казался всё менее значимым по сравнению с мучительным, сжигающим чувством голода. Тень и Песчаник продвигались по узкому лазу, где ледяные стены сдавливали пространство, а воздух пропитался ароматом пыли и застоявшего

гося холода. Наконец, когда они добрались до скрытого отсека, служившего племени импровизированной кладовой, перед их глазами предстала сцена, далекая от привычной тишины или уныния. В центре небольшого грота, освещенного тусклыми отблесками кристаллов, разворачивалась напряженная перепалка. Кот из Горного хребта, чья серая шерсть сливалась с камнем, яростно шипел, выгнув спину и обнажив острые клыки в сторону Камнегрыза. Тот, в свою очередь, не собиравшись отступать, прижав уши и угрожающе припав на передние лапы. Песчаник, замерший за спиной у Тени, ощутил, как внутри него закипает тревога; он лихорадочно пытался понять, какая искра могла разжечь такой огонь между соплеменником, чьи силы и так были на пределе. Тень, не теряя ни мгновения, выпрямился во весь рост. Его присутствие сразу изменило атмосферу — он был тем, кто привык доминировать в спорах, и его холодный, властный взгляд заставил обоих котов на секунду притормозить. — Что здесь происходит? — его голос прозвучал как удар хлыста по замерзшей скале. Серый кот из Горного хребта, к удивлению присутствующих, не стал продолжать атаку. Он медленно опустился на лапы, принимая позу спокойного безразличия, словно в его действиях не было ничего предосудительного. С подчеркнуто спокойным видом он пододвинул к себе кусок замороженной, окаменевшей от мороза птицы. — Ваш воин вел себя непростительно пренебрежительно, — процедил серый кот, не удостоивая Тени даже беглым взглядом. — Запасы и так подходят к концу, они тают на глазах, а вы точите их быстрее, чем мы успеваем просто дышать в этих пещерах. Камнегрыз, до этого момента сдерживавший ярость, резко дернулся, его когти скрежетнули по камню.

— Да что ты понимаешь в долге воина, старый скряга?! — огрызнулся он, его голос эхом разнесся под сводами, переходя на рык. — Мы патрулируем хребет, пока ты пересчитываешь кости, чтобы в очередной раз упрекнуть нас в лишнем глотке воды! В гроте повисло тяжелое молчание, прерываемое лишь далеким свистом ветра, пробивающегося через расщелины. Тень видел, что ситуация накаляется до предела, и если он сейчас не вмешается, конфликт может перерасти в открытую драку, которая истощит их окончательно. Тень медленно перевел взгляд на Камнегрыза, его глаза, темные, как полярная ночь, сузились, давая понять, что любое дальнейшее проявление агрессии будет иметь последствия. Он коротко бросил: Камнегрыз, успокойся. Твой гнев сейчас — это самая ненужная роскошь из всех, что у нас остались. Воин, хоть и неохотно, дернул хвостом и сделал шаг назад, хотя его мышцы продолжали дрожать от невыпущенного напряжения. Песчаник, видя, как быстро накаляется атмосфера, решил сгладить острые углы, хотя в его вопросе слышалось искреннее недоумение: Мы ведь просто пришли поесть... Неужели запасы действительно иссякли до такой степени, что нам теперь приходится сражаться за каждый кусок? Кот Горного хребта, чья серая шерсть казалась почти невидимой на фоне скал, медленно повернул голову. Его взгляд, острый, как обломок кремня, пронзил Песчаника насквозь. Кот издал низкое, вибрирующее шипение, от которого по спине пробежал холодок: Еды почти не осталось, глупцы. То, что вы видите сейчас — это всё, что отделяет нас от голодной смерти в ближайшие пару лун. И вы собираетесь проесть это за пару дней? Камнегрыз, не выдержав такой наглости, снова подался вперед, его голос перешел на яростный шепот: Ты врешь! Я знаю, что в дальних нишах еще остались запасы. Вы просто не хотите ими делиться, бережете для своих приближенных, пока остальные слабеют от голода! Вы забыли, кто вообще дал вам доступ к воде? Кто проложил путь к тому озеру, когда вы уже готовы были испустить дух, прижавшись к ледяному камню? Неблагодарные. Напряжение в пещере стало осязаемым, почти удушающим. Тень стоял между ними, чувствуя, как трещит по швам единство племени. Эти споры о «своих» и чужих запасах были лишь симптомом куда более глубокой болезни — страха перед неминуемой гибелью, который разъедал их изнутри быстрее, чем любой мороз. Тень понимал: если они не остановят этот внутренний раздор сейчас, гора окончательно поглотит их, не дожидаясь ни холода, ни голода. Тень подался вперед, его глаза вспыхнули холодным, пронзительным светом, заставляя воздух в пещере словно загустеть от напряжения. Его голос прозвучал низко и требовательно: Оба, немедленно замолчите.

Он обвел взглядом присутствующих, вкладывая в каждое движение спокойствие, граничащее с угрозой, и добавил, понизив тон до едва слышного шипения: Нам только не хватало того, чтобы шум дошел до ушей предводителей. Песчаник, чья шерсть вздыбилась от наэлектризованной атмосферы, сделал шаг к Тени, его глаза метались между разъяренными соплеменниками. Если они узнают, что здесь творится, начнется настоящая мясорубка, — прошептал он, и в его голосе явственно слышался страх перед возможными последствиями для их лагеря. Тень лишь коротко кивнул, ничуть не удивленный этим предположением; он давно осознал, насколько хрупким был порядок в их горном убежище. Раз так, — твердо произнес он, игнорируя дрожь в лапах Камнегрыза, — давайте прекратим этот бессмысленный спор. Мы пойдем прямо к предводителям, и там раз и навсегда выяснится, какова реальная ситуация с нашими запасами. В этот же миг кот Горного хребта резко напрягся, его мускулы натянулись, как стальные струны, а в глазах мелькнул испуг, который он тут же попытался скрыть за маской ярости. Нет, — отрезал он, и этот краткий отказ прозвучал как приговор. Камнегрыз тут же вскинулся, в его глазах блеснуло торжество того, кто наконец-то поймал врага на лжи. Ха! Так и знал! — воскликнул он, дергая хвостом. — Горные коты всегда скрывают что-то в своих норах, надеясь лишь на свою выгоду. Тень снова вмешался, его терпение истончалось с каждой секундой, и он рыкнул на Камнегрыза: Успокойся. Вы двое сейчас ведете себя как кошка с собакой, только время тратите. Однако эта неосторожная фраза послужила лишь новым поводом для вспышки гнева. Кот Горного хребта оскалился, обнажив острые клыки, и в его голосе заклокотала неприкрытая угроза: Кто? ты сказал, собака? Песчаник, почувствовав, что ситуация стремительно выходит из-под контроля и вот-вот превратится в кровопролитную стычку, поспешно отступил назад в тень скалы. Ему совершенно не хотелось оказаться между двух огней и попасть под горячую лапу в этой безнадежной схватке за кусок промерзшей птицы. Песчаник, вжавшись в холодный гранит стены, почувствовал, как внутри него всё похолодело от одной только мысли о последствиях. Он был уверен, что Тень совершил фатальную ошибку, бросив эту неосторожную метафору про собак; теперь этот озлобленный горный кот наверняка побежит напрямик к предводителям, чтобы раздуть скандал, выставив их троих зачинщиками смуты. Кот Горного хребта не унимался, его грудь ходила ходуном, а из пасти вырывалось непрекращающееся, утробное шипение, переходящее в свист, от которого вибрировали нервы. Тем временем Песчаник невольно принялся сравнивать двух противников, и эта деталь поразила его своей очевидностью.

Камнегрыз, несмотря на свою изможденность и рёбра, проступавшие под сбившейся шерстью, возвышался над своим оппонентом как скала над галькой. Он был почти вдвое массивнее этого горного кота, чья спесь казалась совершенно неуместной при таких габаритах противника. Песчаник понял: если дело дойдет до физического столкновения, Камнегрызу даже не придется прикладывать сколько-нибудь заметных усилий — один удар его мощной лапы мог бы прижать горного кота к камням навечно. Тень, заметив напряжение и понимая, что ситуация балансирует на грани катастрофы, сделал незаметный, но решительный шаг назад, ближе к Камнегрызу. В его глазах отражались отблески тусклых кристаллов, когда он произнес примиряющим, но холодным тоном: Это был лишь пример, я не говорил это всерьез. Однако слова не возымели должного эффекта. Кот Горного хребта медленно поднялся, его поза стала еще более вызывающей, а губы скривились в оскале, пока он что-то злобно бормотал себе под нос, словно проклиная их всех в этой темноте. Не тратя времени на дальнейшие оправдания, Тень отвернулся от него, демонстрируя полное пренебрежение к бурчанию оппонента. Пошли, — коротко бросил он Камнегрызу, чьи когти всё еще нервно впились в пол. — Мы поищем другие запасы, где-нибудь еще. Они оба стремительно покинули узкий грот, их силуэты быстро растворились в полумраке коридоров, оставив за собой лишь эхо шагов. Песчаник, задержавшись на секунду, бросил последний взгляд на горного кота. Тот уже вновь опустился на холодный пол, принявшись жадно терзать свой кусок промерзшей птицы в абсолютном одиночестве.

Он был настолько поглощен своим голодным пиршеством и яростью, что даже не заметил, как Песчаник всё еще стоит на пороге, наблюдая за ним. Осознав, что здесь его ничего не ждет, кроме холода и враждебности, Песчаник, не теряя драгоценных мгновений, бросился вдогонку за Тенью и Камнегрызом, чьи фигуры уже почти скрылись за поворотом в глубине лабиринта. Тень и Камнегрыз пробирались по извилистым, словно застывшие в камне змеи, туннелям, где мрак был почти осязаемым, а холод пробирал до самых костей. Каждый их шаг отдавался глухим эхом, растворяясь в бесконечных каменных недрах, лишенных малейшего намека на свежий воздух. Ну ты видел?, — не выдержал Камнегрыз, его голос прозвучал надтреснуто в узком пространстве. Он вцепился в эту проклятую птицу, как не свой, словно это не еда, а спасение всей его никчемной жизни. Тень лишь коротко кивнул, не замедляя хода. Его глаза, привыкшие к скудному свету, внимательно сканировали каждую трещину в стенах в надежде обнаружить хоть какой-то иной тайник. Видел, — отозвался Тень, и в его голосе сквозила холодная расчетливость. Если у них там действительно есть хотя бы такие запасы, значит, мы продержимся еще несколько дней, если не убьем друг друга раньше. Камнегрыз тяжело вздохнул, и этот звук показался почти болезненным в тишине туннеля. Ужасное место, — процедил он, с трудом переставляя лапы. Я уже начал забывать, как пахнет трава, какова она на ощупь, или что значит бежать по открытому полю, когда ветер треплет шерсть, а не режет кожу ледяными иглами. В этот момент за их спинами послышался суетливый шорох когтей по камню. Песчаник догнал их, тяжело дыша и стараясь не отставать, хотя его сердце колотилось от напряжения. Тень даже не обернулся, его слух был настроен на другие звуки, но он бросил через плечо, не меняя темпа: Песчаник, не отставай. Здесь легко сбиться с пути. Песчаник послушно прибавил шаг, стараясь держаться за ними, но с каждым метром дистанция между ними неумолимо росла. Тень и Камнегрыз были полностью поглощены своим разговором, продолжая обсуждать ситуацию с едой и враждебность горных котов, словно Песчаника вовсе не существовало в этом узком пространстве. Они шли вперед, тесно прижавшись друг к другу в своих мыслях, не замечая, что их спутник вынужден буквально бежать, чтобы не потерять их из виду. Песчаник замедлил шаг, чувствуя, как внутри нарастает горькое осознание собственной ненужности. В конце концов, он остановился. Темнота туннеля сомкнулась вокруг него, делая фигуры Тени и Камнегрыза размытыми силуэтами, которые удалялись всё дальше, не оборачиваясь и не проявляя ни малейшего интереса к тому, поспевает ли он за ними. Ладно, — подумал Песчаник, глядя на их удаляющиеся спины. Не судьба заводить здесь дружбу. В такие времена каждый сам за себя, и мои попытки быть рядом — лишь лишний груз для тех, кто думает только о выживании. Не дожидаясь, пока они окончательно скроются из виду, Песчаник развернулся.

Он почувствовал, как тяга к неизвестности пересиливает разочарование, и свернул в правый туннель, который манил его своей пугающей тишиной. Он бы предпочел остаться один в недрах горы, чем чувствовать себя призраком в тени тех, кто считал его своим лишь до тех пор, пока это было удобно. Тень и Камнегрыз выбрались из узких, душных туннелей в просторный зал, служивший главным выходом из пещерного лабиринта. Здесь реальность на них с новой силой: огромный зияющий пролом в скале, словно рваная рана в теле горы, впускал внутрь бешеный поток ледяного ветра, несущего с собой снежную пыль и яростный вой вьюги. Снаружи бушевала стихия, готовая поглотить любого, кто осмелится сделать шаг за пределы убежища. В центре зала, в ореоле холодного, призрачного света, пробивающегося сквозь ледяные наросты, проходил тайный совет. Двое предводителей, чьи силуэты казались монументальными и отрешенными, вели неспешную, почти ритуальную беседу. Рядом с Ледяной Звездой, чья шерсть отливала неестественным блеском, застыл глашатай племени Горного хребта. Его вид был пугающим...: темно-серая шкура, когда-то, возможно, лоснящаяся, теперь была покрыта густым слоем серой пыли и крошки, будто этот кот не умывался и не заботился о своей чистоте многие луны, погруженный в глубокое, почти фанатичное раздумье. Тень, чье

чутье всегда было натянуто как струна, мгновенно ощутил неладное. Его пронзительный взгляд зацепился за глашатая, и ему крайне не понравился тот специфический, тяжелый и оценивающий взгляд, которым этот кот одарил их с Камнегрызом при приближении. В этом взгляде читалось не просто подозрение, а нечто куда более опасное — холодное презрение и скрытая угроза, словно глашатай видел в них досадную помеху для своих негласных планов. Тень, стараясь сохранять внешнее спокойствие, двинулся вперед, увлекая за собой Камнегрыза. Когда они приблизились, их шаги эхом отозвались от каменного пола, заставляя предводителей на мгновение замолчать. Тень, не дожидаясь приглашения, начал излагать суть проблемы. Он кратко, но твердо обрисовал ситуацию в кладовых, не скрывая правды о скудных запасах, раздорах между воинами и об их вынужденных поисках провизии. Камнегрыз добавил несколько жестких реплик, подтверждая слова своего товарища, его голос, усиленный акустикой пещеры, звучал как вызов Лыдиной Звезда, чье присутствие казалось таким же непоколебимым, как ледник, в котором они укрывались, склонила голову, выражая искреннее, глубокое сожаление за поведение своего воина. Ее голос, тихий, но твердый, разнесся по пещере, перекрывая гул выюги: Приношу извинения за действия моего воина. В эти темные времена холод проникает не только в пещеры, но и в сердца, ожесточая их. Его слова были подхвачены Ярковзвездом, который сделал шаг вперед, его взгляд был исполнен тревоги за общее будущее двух племен. Мы — две части одного целого, и у нас нет шансов уцелеть, если мы разделимся или позволим подозрениям погубить нас, — добавил он, подчеркивая жизненную необходимость единства. Тень, наблюдая за этой сценой, чувствовал, как воздух вокруг них вибрирует от скрытого напряжения. Он перевел взгляд на глашатая Лыдиной Звезды и замер, внезапно осознав, что именно читается в этих холодных, прищуренных глазах. Мысль глашатая была ясной и жестокой, словно удар ледяной лапой: в его расчетах не было места для Тени и его спутников. Глашатай явно прикидывал, насколько безопаснее и спокойнее стало бы существование племени, если бы от них удалось избавиться. В его глазах отражалась простая логика выживания: вода доступна, запасы пропитания, пусть и скудные, имеются, а лишние рты лишь приближают неминуемый конец, который наступит для всех, если не сократить число едоков сейчас. Камнегрыз, не замечая или намеренно игнорируя эту враждебность, решительно шагнул вперед. Он четко и твердо заявил о том, что сейчас, как никогда прежде, необходимо хранить спокойствие и дух братства, ведь только так можно противостоять надвигающейся катастрофе, а не бесконечным междоусобным спорам, разъедающим их изнутри. Лыдиная Звезда, выслушав всё, коротко кивнула в сторону своего глашатая, отдавая холодный и четкий приказ немедленно разобраться с поведением их соплеменника и восстановить подобие порядка в кладовых. Глашатай, не проронив ни звука, низко поклонился, но в его движении не было почтения — лишь скрытое нетерпение. Будет сделано, — отрезал он, и прежде чем кто-либо успел добавить хоть слово, поспешно скрылся в извилистых туннелях, растворившись в темноте, словно тени, которые он сам порождал. Затем предводитель снова обратился к пришедшим с обнадеживающим тоном. Она заверила, что еды еще должно хватить на всех, а текущие запасы — не единственные в их распоряжении, просто они были распределены и забыты в глубинах горы. Попробуйте поискать в других частях хребта, более скрытых и недоступных для глаз патрульных, — закончила она, давая понять, что разговор окончен и судьба племен сейчас зависит от их умения находить скрытые ресурсы, а не от споров перед ее ликом. Камнегрыз, подгоняемый нетерпением и жгучим чувством несправедливости, рванул вперед с такой стремительностью, что его мощная фигура мгновенно растворилась в лабиринте коридоров, оставив после себя лишь эхо тяжелых шагов, затихшее где-то в глубине. Тень даже не успел среагировать на это внезапное исчезновение, лишь на мгновение замер, провожая взглядом пустой проход, в то время как Ярковзвезд, наблюдавший за суетой с невозмутимым спокойствием, позволил себе едва заметную, сухую усмешку, словно эта поспешность воина казалась ему лишь подтверждением их общей уязвимости.

ГЛАВА 2

Оставшись один, Тень углубился в недра горы, где каждый шаг давался всё труднее из-за удушающей однообразности пейзажа. Вокруг простирались лишь бесконечные каменные стены: холодный, безжизненный гранит, сухой и колючий, монотонность которого начинала давить на сознание с силой настоящего проклятия. Камни камни и снова камни — этот серый, пустой ландшафт был единственным, что окружало его, и Тень поймал себя на пугающей мысли, что вскоре этот холодный мир окончательно прорастет в его снах, вытесняя всякое воспоминание о тепле. Вскоре, свернув в очередной боковой проход, Тень наткнулся на небольшую, скрытую пещерку, которая, судя по доносящимся запахам, служила тайным местом хранения запасов. Заглянув внутрь, он застыл, не в силах поверить увиденному: в полумраке, среди разбросанных остатков добычи, сидели двое котов из Племени Горного хребта, а рядом с ними, непринужденно и спокойно, расположилась Чешуйница. Они увлеченно делили между собой замороженную птицу, и сам тон их беседы — тихий, почти доверительный — разительно контрастировал с тем напряжением, которое царило во внешних залах. Тень почувствовал, как внутри него вскипает волна растерянности и острого смущения, переходящего в глухое раздражение. Он привык видеть в котах Горного хребта исключительно врагов, чья природа — подозрительность и отчуждение, и эта картина мирного сосуществования казалась ему чем-то противоестественным, нарушающим привычный порядок вещей. Стоять там, среди этого общего языка и спокойного поедания добычи, было выше его сил; его разум отказывался принимать эту легкость, с которой Чешуйница нашла общий язык с теми, кто еще час назад был готов вцепиться в них из-за каждого куса. Однако, прежде чем он успел отступить или подобрать слова, резкий, холодный голос разрезал тишину пещеры: — Чего стоишь? — Чешуйница, прервав трапезу, в упор посмотрела на него, и в этом вопросе не было ни капли приглашения, лишь властное требование объясниться или убраться восвояси. Тень лишь презрительно фыркнул, чувствуя, как внутри него пульсирует глухое раздражение, смешанное с непрошеным голодом. Ему было невыносимо находиться здесь, в этой странной компании, где границы между своими и чужими стирались под гнетом неминуемой гибели. Он отвел взгляд, стараясь скрыть вспышку гнева, и глухо промолвил: Ничего. Ищу запасы еды, чтобы не сдохнуть с голода именно в этот день. Чешуйница на мгновение замерла, ее глаза, обычно острые и оценивающие, задумчиво скользнули по фигуре Тени. Затем она коротко кивнула, жестом приглашая его присоединиться: Ложись. Сейчас будет. Тень подчинился, хотя каждое движение давалось ему с трудом. Он опустился на холодный камень, устроившись в тесном пространстве между Чешуйницей и одним из воинов Горного хребта. Сидя рядом, он не мог не смотреть на своего соседа. В груди Тени всколыхнулась невыносимая, почти осязаемая ненависть. Серо-белый кот, тощий и изможденный, был настолько поглощен едой, что даже не удосужился удостоить Тень взглядом, продолжая методично терзать кусок замороженной птицы. Чешуйница, словно не замечая наэлектризованной атмосферы, не раздумывая, отломала пастью солидный кусок дичи и, не дожидаясь благодарности, подвинула его Тени.

Последняя птица? — коротко спросил он, глядя на то, как стремительно тают остатки их единственного ресурса. — К сожалению, — глухо промолвил один из воинов Горного хребта, чьи уши были подернуты инеем. Он тяжело вздохнул, глядя в темноту пещеры, и добавил: Запасы начинают кончаться... Но... вероятно, продержимся. Второй воин, до этого молчавший, издал горький, надтреснутый смешок: Продержимся до чего? До того, чтобы просто не сдохнуть в муках? В таком морозе.. Ожидая пока он уйдет.. Сколько времени должно пройти? Чешуйница продолжала есть, но ее движения замедлились. Видно было, что слова воина заделали ее, вынудив на минуту отвлечься от еды. Проглотив кусок, она подняла голову и произнесла с тяжелой обреченностью: Этот мороз, вероятно, никогда не уйдет. Я уже не говорю о солнце.

Солнце будто просто испарилось, — вторил ей первый воин, чей голос звучал глухо, словно из глубокого колодца. — Как так вообще бывает? Может, оно взорвалось? Второй кот лишь усмехнулся, хотя в его глазах не было веселья: Ага. Если бы оно взорвалось, мы бы здесь тоже не выжили — нас бы всех просто испекло на месте, превратило в горстку пепла. В этой маленькой пещере, зажатой в каменных тисках горы, слова о солнце казались чем-то недостижимым, почти мифическим. Тень сидел неподвижно, чувствуя, как холод, пронизывающий стены, постепенно проникает в их общую трапезу, делая каждую долю секунды существования бессмысленной и хрупкой. Тень проглотил последний волокнистый кусочек мороженой птицы. Его желудок, еще минуту назад спазмирующийся от пустоты, наконец успокоился, хотя чувство глубокого, ноющего голода все еще таилось где-то внутри. Несмотря на то, что порция была ничтожно мала, его покинула острая ярость, вызванная истощением. Он перевел взгляд на ледяные стены пещеры, понимая, что теперь, когда первая потребность утолена, его мучает жажда. Чешуйница, закончив трапезу, грациозно облизнула свои острые клыки и вытянулась, разминая затекшие от холода суставы. Ее глаза блеснули в полумраке, когда она заметила, что Тень собирается уходить. Я с тобой, — коротко произнесла она, уже поднимаясь на лапы. — Как раз хотела умыться, пока есть хотя бы минимальный комфорт. Они покинули тесный грот, где только что делили скудную добычу с воинами Горного хребта. Снаружи коридоры казались еще более темными и враждебными. Не сговариваясь, они направились к скрытому подземному озеру. Спуск был крутым и опасным, камни под лапами неприятно скользили, покрытые тонким слоем инея. Через несколько метров пути перед ними вновь предстало мерцающее озеро — гладкая, почти черная поверхность воды, в которой отражались тусклые кристаллы, вкрапленные в своды пещеры. Воздух здесь был насквозь пропитан могильным холодом, исходящим от самой воды. Тень спустился к самому краю и склонился, жадно лакая ледяную воду, которая обжигала горло. Чешуйница последовала его примеру, но, утолив жажду, не стала торопиться уходить. Она уселась на плоский камень и принялась методично вылизывать свою шерсть. Тень, наблюдая за этим процессом, не смог сдержать кривой усмешки, в которой сквозила доля искреннего недоумения. Для чего тебе вообще сейчас мыться? — спросил он, наблюдая, как она проходится шершавым языком по лапе. — Ты же понимаешь, что как только мы вернемся в туннели, ты снова наберешься пыли. Эти камни не прощают чистоты. Чешуйница остановилась на мгновение, перевела взгляд на свои лапы и затем прямо на него. — Возможно, ты и прав, — спокойно отозвалась она. — Но кто-то в этом забытом месте должен оставаться чистоплотным, если мы не хотим превратиться в диких зверей окончательно. Тень дернул ухом, раздраженный этой бессмысленной, с его точки зрения, тратой сил. Чистоплотность в таких условиях — это непозволительная роскошь, она ни к чему, когда мы боремся за каждый вздох, — отрезал он, чувствуя, как внутри снова ворочается глухое недовольство. Чешуйница прищурилась, в ее голосе послышалась выжидательная нотка. — И что же ты будешь мне запрещать? — подловила она его, глядя с вызовом. Тень замер, захваченный врасплох ее вопросом. Мгновение растянулось в тишине пещеры. С одной стороны, он прекрасно осознавал, что не имеет никакого права диктовать ей условия или ограничивать ее желания. С другой стороны, сама мысль о том, что он пытается устанавливать хоть какие-то правила в этом хаосе, казалась ему до боли нелепой и в то же время необходимой для того, чтобы не потерять контроль над ситуацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.